

Николай Бердяев

— Память моя о нем — светла, радостна. Это был удивительный по обаянию человек — скромный, приветливый, благожелательный; и, в беседе, в общении — поражающий быстротой и оригинальностью суждений, открытый на верную мысль ум...

Эти слова принадлежат Анастасии Ивановне Цветаевой. А сказаны они о человеке, имя которого известно сейчас далеко не каждому. Или известно вот в такой интерпретации:

«Бердяев, Николай Александрович <...> философствующий публицист <...> В молодости увлекался социалистическими идеями <...> В течение первых лет 20 в. Б. <...> пытался внести в марксизм «критическую струю». По существу же он вел в эти годы борьбу со всеми теоретическими принципами марксизма <...>

Б. критикует капиталистический строй, но критикует его с реакционной точки зрения, т.е. с точки зрения феодализма. Именно феодальный строй с его социально-политическим иерархизмом и всепроникающим господством религии является социальным идеалом Б. <...> Отношение Б. к советской власти вытекает из его классовой идеологической позиции».

Эти строки взяты из первого издания Большой советской энциклопедии, вышедшего почти 60 лет назад. Многое ли изменилось за эти годы? Цитированная статья снабжена библиографическим списком, в котором аннотации к книгам носят следующий характер: «национал-шовинистический бред», «реакционно-мистические фантазии». Сейчас, наконец-то, выражения такой убойной силы

упраздняются, статьи в двух последующих изданиях энциклопедии написаны в гораздо более мягких тонах; но знаем о философе мы и теперь до обидного мало...

Известно, что в конце XVI столетия царь Борис пожаловал поместья дворянам Ивану и Федору Бердяевым. Их дети и внуки ходили в стольниках, причем один был даже стольником Петра Первого. Имена Бердяевых встречаются в летописях об осаде Смоленска, в придворных табель-календарях, в списках героев 1812 года.

Штаб-ротмистр в отставке Александр Михайлович Бердяев женился на княжне Александре Сергеевне Кудашевой (по матери — наполовину француженке). Вскоре у них появился первенец, будущий известный поэт-

САМОПОЗНАНИЕ

фрагменты книги

сатирик Сергей Бердяев. Второй ребенок был сравнительно поздним, разница в возрасте братьев составляла пятнадцать лет. Младшего сына назвали Николаем. Он родился 6 (18) марта 1874 года в Киеве.

Детство будущего философа удивительно напоминает много раз читанные биографии. Внешние реалии по крайней мере совпадают. Дворянская усадьба. Няня Анна Ивановна. Зимняя жизнь в губернском городе, местный большой свет, балы (которых ребенок не любил), приемы. Поездка с родителями на курорт в Вену. Раннее знакомство с иностранными языками (впоследствии весьма пригодившееся в эмиграции). До 13 лет домашнее образование, обучение наукам и изящным искусствам. С 14-ти — привилегированное закрытое учебное заведение. Из уважения к ратным заслугам предков мальчугана записали в пажи, но поступил он в киевский Кадетский корпус (с правом в любой момент перейти в петербургский Пажеский). Бердяев был вольноприходящим воспитанником, жил дома; такое положение меньше закрепощало, но все равно будущий автор «Философии свободы», по его собственным словам, очень завидовал студентам Киевского университета: они овладевали знаниями, а он занимался маршировкой. Впрочем, мечта стать студентом скоро осуществилась. Выйдя из шестого класса Кадетского корпуса, Бердяев сдал экзамены на аттестат зрелости и начал готовиться в университет.

Он поступил на естественный и юридический факультеты Киевского университета имени св. Владимира. Начало учебы там совпало по времени с коронацией последнего российского императора и массовым появлением марксистских кружков. Членом одного из них — Центрального кружка саморазвития учащихся — Бердяев стал в 1895 году вместе с А.В.Луначарским. Работа велась разнообразная: доклады в кружке, устная пропаганда, издание листовок. Однажды Николай Александрович привез из-за границы (в сумке с фальшивым дном) партию нелегальной литературы. В другой раз принял участие в печатании на гектографе и распространении статьи Веры Засулич «Революционеры из буржуазной среды». Вскоре последовал и первый арест за участие в студенческой демонстрации.

Через год, в ночь на 12 марта 1898 года Бердяева снова арестовали — за принадлежность к киевскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса. В квартире произвели обыск (изъяв нелегальную литературу и рукописи), а виновника жандармского переполоха вместе со 150 привлеченными посадили в Лукьяновскую тюрьму, в просторечьи именовавшуюся Романовской дачей.

В ожидании приговора исключенный из университета (на выпущенный из тюрьмы под залог 5000 рублей) Бердяев большую часть времени проводил в занятиях. В это время им написаны первая из увидевших свет статья и первая книга. Статья о немецком социалисте Ф.А.Ланге и критической философии появилась в 1899 году в журнале «Die Neue Zeit», издававшемся К. Каутским (тогда еще отнюдь не «ренегатом»). Редактор прислал автору письмо, главная мысль которого звучала так: «Русские призваны дальше развивать теоретический марксизм. Благодаря абсолютному русские имеют на это время. В России социальное движение все еще есть борьба за познание, а не за силу». Но тот, кому эти строки были адресованы, шел уже своим, особым путем — путем создания оригинальной философской системы.

В основание ее Бердяев положил свободу. Свободу как первичное, ни из чего не выводимое бытие, из которого Бог творил космос. «Весь мировой процесс есть задание тоски о свободе, есть трагедия, связанная с выполнением этой тоски». Трагедия происходит оттого, что бремя свободы не каждому по

Заграничный паспорт Н.А.Бердяева

силам. «Можно было бы облегчить муки человечества, отняв у человека свободу». Или предложить каждому самому расстаться с ней и усвоить себе рабью психологию необходимости.

Эти мысли прозвучали в первой книге Бердяева — критическом этюде о народнике Н.К.Михайловском «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Работа вышла, когда ее автор уже находился в ссылке, и сразу принесла доселе неизвестному литератору почти всероссийскую славу. «Из России пишут, что публика страшно увлекается Бердяевым», — сообщил В.И.Ленин Г.В.Плеханову в июле 1901 года.⁴ А Максим Горький, начиная работу над «Дачниками», писал К.П.Пятницкому: «Думаю изобразить современную «буржуазно-материалистическую интеллигенцию», как выражается Бердяев. Очень хочется подарить «всем сестрам — по серьгам», в том числе и Бердяеву небольшие».⁵

Тем временем «не замедлил» последовать приговор — через два с лишним года после ареста революционной организации. «Государь император (...) в 22 день марта 1900 года высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы по вменении нижепоименованным обвиняемым (...) в наказание предварительного заключения:

1) Выслать под гласный надзор полиции (...) в Вологодскую губернию (...) Николая Бердяева (...) на три года».⁶

В 1900 году в Вологду хлынула большая волна ссыльных, — вспоминает политкаторжанин И.Е.Ермолаев. Почти одновременно там оказались Бердяев, А.А.Богданов, А.М.Ремизов, Б.В.Савинков с женой — дочерью Г.И.Успенского, П.Е.Щеголев; через некоторое время приехал А.В.Луначарский. «Началась эпоха докладов или, как это тогда чаще называлось, рефератов. Одним из первых выступил с рефератами А. Богданов (...) Выступали с докладами также Кистяковский, Бердяев, А. Суворов. Публики собиралось на эти доклады по 50-60 человек. Почти после каждого доклада были прения. Наиболее часто участвовали в прениях А. Богданов, А. Суворов, Бердяев».⁷

Летом 1901 года филеры местного охранного отделения видели Н.А.Бердяева катающимся на велосипеде по Парадной площади, читающим книги в городском саду или в Публичной библиотеке Масленникова, провожающим на вокзале «барыню лет 19, шикарно одетую, с которой Бердяев все время ходил под руку».⁸ С этой ли «барынькой», с другой ли бердяевской приятельницей решил завести уличное знакомство некий чиновник Губернского правления, но Николай Александрович побил его палкой, да еще пообещал завтра же уволить со службы.

Тем временем родители ссыльнопоселенца предпринимали многочисленные попытки к тому, чтобы добиться от властей перевода сына ближе к дому. Писали прошения сами, подключали влиятельных родственников. Однако долгое время их усилия оставались тщетными, и вот почему. В самом начале ссылки Бердяеву разрешили поездку в Киев для свидания с большим отцом. Затем охранке стало известно, что по приезде в Киев он посетит марксиста В.В.Водовозова, а через несколько дней участвовал «в конспиративном собрании оного (?) 20 человек интеллигентов, причем цель этого собрания осталась невыясненной, но предполагается, что это было совещание представителей марксистского направления (...)». Этот факт кочевал из справки в справку, и на прошения А.М.Бердяева появлялись такие резолюции: «Очень жаль старика, но что можно сделать?»¹⁰

Впрочем, по отбытии двух третей наказания было получено разрешение прожить остающийся год в Житомире. По окончании ссылки Бердяеву запретили въезд в столицу на пять лет. Николай Александрович возвратился в Киев и вскоре женился на Лидии Юлифовне Трушевой.

В 1904 году он съездили на несколько дней в Петербург, а затем обратился к министру внутренних дел с просьбой снять ограничения в выборе места жительства. Мотивировка была следующей: «Я получил постоянную работу в качестве члена редакции одного журнала, и это требует моего пребывания в Петербурге, а работа эта является моею специальностью и единственным моим заработком. Начать свои занятия я должен был бы в середине октября этого года (...)».¹¹

В скором времени Бердяев переехал в Петербург и вошел в редакцию органа «нового религиозного сознания» журнала «Новый путь». Произошла встреча представителей этого течения (Д.С.Мережковский, В.В.Розанов) с мыслителями, проделавшими путь «от марксизма к идеализму» (Бердяев, С.Н.Булгаков). Однако печатная трибуна оказалась явно неподходящей: литературно-художественный журнал в весьма слабой степени способствовал постановке и разрешению сложных вопросов жизни.

Выделенные слова стали названием журнала, издававшегося фактически под редакцией Бердяева (номинальным редактором был Н.О.Лосский) в течение 1905 года. Вообще в это время в жизни философа большое место занимала деятельность: редактирование «Вопросов жизни», работа в Союзе освобождения (основе будущей Конституционно-демократической партии), петербургские Религиозно-философские собрания (а затем создание Религиозно-философских обществ в Петербурге и Москве), литературные «среды» у Вяч. И. Иванова на «башне» (квартира на седьмом этаже против Таврического сада), на которых Бердяев был бесменным председателем...

Собственно философское творчество стало преобладать в его жизни несколько позже, в Москве, где он поселился осенью 1908 года, проводя предшествующую зиму в Париже, а лето, до исхода сентября, в имении жены на Украине. 1909 год ознаменовался выходом в свет сборника статей о русской интеллиген-

ции «Вехи» — книги, так или иначе затронувшие всех мыслящих людей в России.

Статья Бердяева в сборнике посвящена частной, на первый взгляд, проблеме — взаимоотношениям интеллигенции и философии. Но значение этой работы превосходит тему. Исуровая правда о кружковой интеллигенции глубже поставленного вопроса, отсюда — удивительный пафос таких, например, тирад: «Интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую, самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или даже просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам». Могли ли «радикальные» интеллигенты согласиться, что с ними «случилось вот какого рода несчастье: **любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине?** Или признать пророческое значение следующих слов: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы».¹²

«Вехи» вызвали бурю. Печатные станки выдавали рекордные по тем временам тиражи. В «опровержение» основных мыслей сборника публиковались заметки, статьи и даже целые книги, в том числе и далекие от философии, авторы которых изо всех сил критиковали Бердяева, Булгакова, С.Л. Франка...

Знакомый Бердяева еще по Киевскому университету С.Н. Булгаков к тому времени тоже обосновался в Москве. Через него Бердяев познакомился с московской православной средой, в частности — с кружком М.А. Новоселова, в котором происходили жаркие дебаты на религиозно-церковные темы.

Новоселов и Булгаков повезли его в Зосимову пустынь близ Сергиева Посада, к чтимым старцам Герману и Алексию. Поездка эта оказалась в какой-то мере решающей для философа. Он вспоминал: «Во всяком случае, мне было ясно, что я не принадлежу к людям, которые отдают свою волю духовному руководству старцев. Мой путь был иной и, может быть, более трудный. (...) я не мог смирить своих исканий нового духа, своего познания, своего свободолобия».¹³

Кроме кружка Новоселова, Бердяев в эти годы тесно связан с Религиозно-философским обществом (РФО) в Москве, где то сам делает доклады, то выступает в качестве оппонента. Одно из заседаний (для которого специально арендовали залу Политехнического музея) было посвящено десятой годовщине со дня смерти отца религиозной философии начала двадцатого века Вл. С. Соловьева. Из докладов, читанных в собрании, составил сборник, которым осенью 1911 года дебютировало издательство «Путь», созданное при ближайшем участии Бердяева.

Впрочем, через некоторое время становится ясно, что ни общество, ни издательство уже не могут играть важной роли в жизни философа. Отойдя от дел, он почти всецело посвящает себя книге, которая по праву считается одной из вершин философской мысли России. Речь идет о вышедшем в 1916 году труде «Смысл творчества: Опыт оправдания человека». Один исследователь по-бердяевски афористично назвал все, написанное мыслителем позднее, заметками на полях «Смысла творчества».¹⁴

Человек — творение, но создан по образу и подобию Творца. И оправдание человеческой жизни, основным содержанием ее и путем к спасению является творчество. «Творчество по существу есть выход, исход, победа». «Творчество (...) есть обнаружение избыточной любви человека к Богу, ответ

человека на Божий зов, на Божье ожидание».¹⁵ Бердяев даже сравнивает творчество с пророческим служением. Более того: творчество есть путь к осуществлению христианства в истории. Оно обращено к Третьему Завету, призванному сделать человечество совершенным.

Но время требует отвлекаться от замысла книги и реагировать на события современности. За газетную статью в защиту монахов Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне, обвиненных в имяславческой «ереси», Бердяева отдали под суд, и угроза вечного поселения в Сибирь оставалась реальностью его жизни вплоть до отменившей все политические процессы революции.

Февраль и Октябрь 1917 года он встретил в Москве. «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное», — писал он. — Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений».¹⁶ Целая эпоха русской жизни ушла в прошлое... Своеобразную эпитафию ей оставил А.М. Ремизов, сделав на одном из экземпляров своей книги «Заветные сказки» такую надпись (приводим с авторской пунктуацией): «Александр Александрович Блоку Алексеевич Ремизов. 1.XII.1920. Воспоминание о старине допотопной, когда на острове водился слон. (Ю. Верховский)

пел на Слоновой (Суворовском) Кузмин, посторонь бань егоровских жили мы были в соседях с Розановым, писал портрет Блока Сомов Вячеслав гнезился на таврической башне Судейкин ходил с Сапуновым и что еще вспомню какие чистые и нечистые пары какой ковчег какого голубя какую ветку Неву революцию Бердяева (...)»¹⁷

Первые пореволюционные годы примечательны тем, что Бердяев вернулся к общественной деятельности, но вернулся на несколько иных основаниях, чем за десять лет до этого. Главным его детищем в это время стала Вольная академия духовной культуры (ВАДК), занятия которой неизменно привлекали огромное количество участников. Лек-

Кабинет Н.А. Бердяева в Клараме (предметы Парижа). Здесь во время работы за письменным столом 23 марта 1948 года скончался Николай Александрович Бердяев

ционные курсы, прочитанные Бердяевым в ВАДК, составили основу двух книг, изданных им уже в эмиграции — «Смысл истории» и «Миросозерцание Достоевского». Лекции обычно читались в аудитории Высших женских курсов, а семинары проводились в различных учреждениях, в руководстве которых были знакомые.

Не имевшего даже законченного университетского образования Бердяева избрали профессором Московского университета. Частым гостем бывал он и на многочисленных проводившихся в те годы диспутах, например, на диспуте о Христе в Политехническом музее.

По вторникам на квартире философа в Большом Власьевском собирался цвет московской интеллигенции. Хозяйка — Лидия Юлифовна угощала писателей и философов кипятком и выпеченными из академического пайка крохотными морковными пирожками...

Но главным по-прежнему оставалось философское творчество, которое в годы революции приобрело сильный публицистический оттенок. Статьи по злободневным вопросам появляются в периодических изданиях «Народоправство», «Русская мысль», «Русская свобода». Однако издаваться с каждым годом становится все труднее. В 1922 году свет увидели всего две небольшие работы.

В одной из них Бердяев с горечью писал, что на определенном этапе развития культуры наступает ее упадок и начинается вытеснение культуры цивилизацией. «Цветение «наук и искусств», углубленность и уточненность мысли, высшие подъемы художественного творчества, созерцание святых и гениев, — все это перестает ощущаться как подлинная, реальная «жизнь», все это уже не вдохновляет. Рождается напряженная воля к самой «жизни», к практике «жизни», к наслаждению «жизнью», к господству над «жизнью». И эта слишком напряженная воля к «жизни» губит культуру, несет за собой смерть культуры (...)»¹⁸ Но понять и разделить эту боль могли уже слишком немногие.

В том же году произошло событие поистине беспрецедентное. Выше 160 представителей старой интеллигенции были высланы за границу, причем эта административная мера была применена к ним не по политическим, а по идеологическим причинам. Современник следующим образом характеризовал группу выселенных: «Это были люди, слишком не созвучные с той жизнью, которая строится на родине, чтобы в ней оставаться. (...) В Москве им (...) было предложено оставить Советскую Россию как ее гражданам, хотя и не совершившим наказуемых советскими законами проступков, но несомненно со всем строем советской жизни».¹⁹

В сентябре 1922 года Н.А. Бердяев покинул Россию. Вместе с ним на борт парохода взойшли два самых дорогих ему человека — жена и свояченица Евгения Юлифовна Рапп. «Мероприятия Советской власти, направленные к устранению из пределов Советской Республики антисоветских элементов из мира политиканствующих адвокатов, литераторов, студентства и т.п., встречали полную поддержку в трудящихся массах», — отмечалось в отчете ЦК РКП(б) за август-сентябрь 1922 года.²⁰

Писать о зарубежном периоде жизни философа трудно хотя бы в силу недостатка материала. Да и объем статьи позволит коснуться только основных вех его эмигрантской биографии.

Первым местом жительства Бердяева за границей стал Берлин. Здесь он пробыл недолго, успев, однако, основать Религиозно-философскую академию и издать несколько книг.

В 1924 году он переезжает в Париж, ставший в это время русским культурным центром. Спустя некоторое время сюда переводится Религиозно-философская академия, пе-

чатный орган которой — журнал «Путь» — Бердяев редактирует вплоть до оккупации Франции фашистами.

В 20—30-е годы он участвует в многочисленных философских съездах и собеседованиях, межконфессиональных конгрессах. Его дом в Кламаре близ Парижа становится ареной оживленных споров между светскими и церковными мыслителями из разных стран.

Во время Великой Отечественной войны Бердяев занял безоговорочно патриотическую позицию, разорвав всякие отношения со знакомыми, чаявшими уничтожения большевизма фашистами. «Я все это время верил в непобедимость России, — писал он. — Но опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной армии».²¹ Такая позиция ежечасно грозила арестом. Но как выяснилось уже после войны, кто-то из высшего германского командования считал себя знатоком и покровителем философии, и это спасало Бердяева от преследований гестапо.

Через несколько месяцев после Победы он пережил большое горе — похоронил жену. Ее памяти посвящена одна из последних книг философа — «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого».

В конце жизни Бердяев получил ученую степень доктора гонорис кауза Кембриджского университета. Был представлен к Нобелевской премии, но получить ее не успел. 23 марта 1948 года сердце философа остановилось.

* * *

Труды Николая Александровича Бердяева переведены на 20 языков, о нем написаны десятки исследований и диссертаций. Кори-

феи философской мысли Запада благоговейно называют его своим учителем. Называют еще русским Гегелем двадцатого века...

В одной из своих первых книг философ писал, что в жизни каждого народа две эпохи периодически сменяются. Одна — когда создается **что-то**. Другая — когда говорится преимущественно о **чем-то**. Бердяеву, как человеку творческому, безусловно ближе была первая эпоха, вторую он считал бесплодной. Но и она необходима: это время для подведения итогов. Для спокойного и вдумчивого осмысления их.

Такое время сейчас, к счастью, наступило для всех нас — соотечественников выдающегося мыслителя. А как он сам оценивал итоги своего творческого пути?

Публикуемые шесть этюдов написаны Н. А. Бердяевым в 1939—1940 годах. Они вошли во вторую главу его философской автобиографии «Самопознание», к работе над которой мыслитель обратился вновь после окончания Великой Отечественной войны, дополнив книгу новыми главами и внося некоторые исправления в написанное ранее. Примеры этой правки хорошо видны даже в печатном тексте. Завершают подборку фрагменты шестой главы, имеющей мемуарный характер. Они дают некоторое представление о Бердяеве в контексте русской культуры «серебряного века».

Печатание «Самопознания» было предпринято Е. Ю. Рапп, свояченицей философа, уже после его смерти. Книга вышла в свет в Париже в 1949 году. В пятидесятые годы появились переводы автобиографии на английский, итальянский, немецкий, французский и японский языки. Исправленное и дополненное второе русское издание выпущено в Париже в 1983 году в качестве первого тома

Собрания сочинений Н. А. Бердяева.

В основу настоящей публикации положен текст второго издания, в спорных случаях сверенный с текстом первого. Особенности авторской орфографии, по возможности, сохранены.²²

¹ Цветаева А. И. Воспоминания, на бегу, о Николае Александровиче Бердяеве. Машинопись, рукопись. Архив А. Вадимова.

² Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. М., 1907, с. 382.

³ Бердяев Н. А. *Мирозерцание Достоевского*. 2 изд. Paris, 1968, с. 65.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46, с. 135.

⁵ Горький А. М. Собр. соч. в 30 т. Т. 28. М., 1954, с. 259.

⁶ Путь революции. Сб. 1. Киев, 1923, с. 105.

⁷ Ермолаев И. Е. Мои воспоминания. «Север» (Вологда), 1923, кн. 3/4, с. 4—5.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, л. 399, л. 45 об.

⁹ Там же, ф. 1898, д. 736, л. 35.

¹⁰ Там же, л. 40.

¹¹ Там же, л. 115.

¹² Вехи. 5 изд. М., 1910, с. 6, 8, 22.

¹³ Бердяев Н. А. *Самопознание*. 2 изд. Paris, 1983, с. 216.

¹⁴ Парамонов Б. Соблазны русского духа. «Русская мысль» (Париж), 1986, 17 января.

¹⁵ Бердяев Н. А. *Смысл творчества*. 2 изд. Paris, 1985, с. 43, 35.

¹⁶ Бердяев Н. А. *Самопознание*, с. 260.

¹⁷ Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 2, Л., 1985, с. 211.

¹⁸ Бердяев Н. А. *Смысл истории*. 2 изд. Paris, 1969, с. 252.

¹⁹ Мейснер Д. И. *Миражи и действительность: Записки эмигранта*. М., 1966, с. 176.

²⁰ Известия ЦК РКП(б), 1922, № 9, с. 4.

²¹ Бердяев Н. А. *Самопознание*, с. 379.

²² Редакция благодарит С. Г. Блинова, предоставившего к этой публикации фотографии из фонда Бердяева, недавно переведенного в ЦГАЛИ на открытое хранение.